

Говард
Джейкобсон

Ѓ
[джей]

Перевод с английского
Аркадия Кабалкина

Ж
{книжки}

МОСКВА

2019

УДК 821.111
ББК 84 (4 Вел)
Д 40

Перевод с английского *Аркадия Кабалкина*
Обложка *Екатерины Кравцовой*

ISBN 978-5-906999-27-6

Howard Jacobson / *Ѕ*
Copyright © 2014 by Howard Jacobson
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The
Van Lear Agency

© ИД «Книжники», 2019
© А. Кабалкин, перевод, 2019
© Е. Кравцова, оформление, 2019

*Посвящается Дженни —
здесь, теперь, всегда*

СПОР

Волк и Тарантул

Как-то серый волк разговорился с тарантулом.

— Люблю побегать за добычей, — сказал он.

— А я, — ответил ему тарантул, — люблю сидеть на месте и ждать, пока добыча сама ко мне прибежит.

— Разве тебе не бывает одиноко? — спросил волк.

— С тем же успехом могу спросить: а тебе не надоело таскать на охоту жену и детей? — ответил тарантул.

— Очень уж привязан я к семье, — объяснил волк. — Да и численное превосходство помогает в охоте.

Тут тарантул на минутку отвлекся, чтобы прихлопнуть пробежавшую мимо мартышку, а затем выразил сомнение, заметив, что волк даже при поддержке многочисленной семьи вряд ли сравняется с ним в результативности охоты. Волк поставил на кон всю свою недельную добычу, заявив, что посрамит тарантула, и, вернувшись в логово, рассказал о споре жене и детям.

— С тебя причитается, — сказал он тарантулу при следующей встрече.

— Чем докажешь?

— Можешь поверить мне на слово. А если нет, то пойди сам полюбуйся.

Тарантул предпочел проверить самостоятельно и очень быстро убедился, что в лесу не осталось никого из тех, на кого волк обычно охотился.

— Похвальная эффективность, — признал тарантул. — Но позволительно спросить, как ты намерен жить дальше?

Тут серый волк разрыдался.

— Мне пришлось слопать мою жену, — признался он. — На следующей неделе примусь за детей.

— А что потом?

— Потом? Потом ничего не останется, кроме как сожрать себя самого.

Мораль: всегда оставляй немного на тарелке.

Книга первая

один

Большое «если»

Утро вышло неудачным для всех.

— Снова-здорово, — сказала себе Эйлинн Соломонс.

Она свесила ноги с кровати и уставилась на свои ступни. Они ей и раньше не нравились, еще до оскорбительных замечаний Кеверна. Широкие, с квадратными пальцами — словно оба больших пальца размножились до десятка одинаковой длины и ширины. А ей бы пальчики, как тросточки панской свирели, воплощение красоты и грации, предназначенные для поцелуев лесного бога... Она спрятала ноги в тапочки и опять вынула их. В тапочках собственные ноги ей понравились еще меньше. Ноги домашней хозяйки. Все те же неприглядные ноги, на которых она вечно шлепает по неприглядной жизни. Неудивительно, что... Она поймала себя на том, что не может закончить мысль. Что неудивительно?

На самом деле ничего особенно неприглядного в ее жизни не было, не считая привычки смотреть на свою жизнь косо. Если взглянуть объективно — увы, недоступная ей точка зрения, — то ее жизнь вполне заслуживала внимания. Недавно она переехала в новый дом. На пару с новой подругой. Не просто в новый дом — в новую деревню. По этому случаю она обновила свой гардероб. Новые солнечные очки. Новая сумочка. Новый лак для ногтей. Трусики — и те новые. Правда, дом, новый для нее, сам по себе был не нов. Он смахивал на некогда заброшенный скит, и этот привкус церковности вызывал у Эйлинн негативные ассоциации. При первом же появлении в доме возникало чувство, будто какой-то монах с подмоченной репутацией или преследуемый за инакомыслие священник некогда нашел здесь убежище, но со временем забыл, от чего прятался. Дом прочно врос в сырую почву непросыхающего оврага, каждым своим камнем навечно пропах черемшой и мокрым дроком. В его маленькие низкие окна не проникало ни света надежды, ни света разочарования — таким глубоким был этот овраг. И все, кто жил здесь из людей, а вместе с ними и вся окрестная растительность никогда не были счастливы, но и несчастливы тоже не были. И все же, как ни угнетала ее атмосфера нового дома, это, бесспорно, было шагом вперед по сравнению с безликим городским кварталом, где она выросла. С видом — ну разве это вид? — на мутное от ила речное устье, по которому из ниоткуда

в никуда однообразно катилась унылая волна северного прилива. В обществе вечно нервных родителей, которые на самом деле и родителями-то ей не были.

И — и — у нее появилось новое знакомство. Вернее, новый знакомый, оскорбительно высказавшийся о ее ногах.

Он, правда, не был лесным богом, а даже если был бы, то вряд ли стал касаться губами ее ног, но это не служило ей утешением. Так как, похоже, она его уже потеряла, а жаль — в нем был потенциал.

Что до всего остального — включая новую подругу, гораздо ее старше, годную скорее в опекунши (забавно, что опекуны летели на нее, как пчелы на мед), — то оно воспринималось как мелкие случайности, не более чем перестановка мебели. В этом — всем остальном — она оставалась собой. В том-то и суть случайных перемен: они позволяют увидеть то, что никогда не меняется. Лучше вообще сидеть на месте и просто ждать. Пока ждешь, ты не подвержена разочарованиям. «Пока я находилась в подвешенном состоянии, все было в порядке», — подумала она. И снова неправда: никогда и ничего у нее не бывало в порядке.

Периодически у нее начинало трепетать сердце. Ее лечащий врач называл это аритмией и, взглянув на результаты анализов, уверял ее, что беспокоиться не о чем. Она смеялась: действительно, о чем тут беспокоиться? Жизнь вообще не повод для беспокойства. Там, где она выросла, считали, что трепет сердца вызывает смерть человека, которого ты любила.

— А если ты никого не любила? — спросила она как-то свою приемную мать.

— Тогда это происходит в годовщину смерти того, кого ты любила в прежней жизни, — ответила та.

Как будто ей было мало собственных бед, нужно еще выслушивать и отвечать на подобную чушь.

Она не знала своих настоящих родителей и плохо помнила себя до того момента, когда приемные родители забрали ее из приюта — как апельсин с полки. Ей запомнилось одно: она чувствовала себя не так, как должна была чувствовать маленькая девочка. Теперь, независимо от того, что она помнила, а что нет, она казалась себе старше своих 25 лет. Двадцать пять лет, помноженные на 100 или даже на 1000, были ближе к действительности. «Не преувеличивай,